

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК [947+957] "18"

О.Н. Мухин

ГЕНДЕРНЫЕ ОБРАЗЫ РОССИЙСКИХ МОНАРХОВ В XVIII ВЕКЕ: ПЕТРОВСКИЙ «ЭКСПЕРИМЕНТ» И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Томский государственный педагогический университет

Сфера гендерных отношений является чрезвычайно репрезентативным полем для исследования того или иного социума. Здесь, как в зеркале, отражаются специфические черты данного общества, процессы трансформаций и сдвигов. Если речь идет об обществах традиционных или только-только вступающих на шаткий путь к современности, то особую роль здесь играет образ правителя, в том числе и гендерный, особенно в случае неорганической модернизации. Все это в полной мере относится к России XVIII в. Анализ гендерных отношений может позволить яснее понять специфику Перехода в целом, а это в свою очередь дает нам в руки инструментарий для понимания дальнейшего пути развития страны.

Задачей данной статьи является исследование изменений в гендерных ролях у представителей царствующего дома конца XVII–XVIII вв. Образ правителя особенно важен, так как является носителем черт, сущностно важных для данной ментальной традиции; и хотя он не может быть в полной мере примером для подражания масс, оставаясь недостижимым идеалом, тем не менее трансформация образа правителя отражает изменения властного кода и культурной парадигмы в целом.

Общая характеристика распределения гендерных ролей в царской семье допетровской эпохи вполне вписывалась в концепцию разделенных сфер и гендерной асимметрии – реально правящая фигура всегда царь, царица же – носительница иных, менее значимых для государства функций. Однако конкретное наполнение этих позиций могло меняться, и особенно важные и сложные трансформации свершались в конце XVII – первой четверти XVIII в. Меняется образ царя, и еще более изменяется образ царицы, что накладывает отпечаток на их наследников. Ярче всего трансформация гендерных ролей в правящей верхушке выразилась в длительной ситуации «перевернутых отношений», когда на протяжении большей части XVIII столетия во главе государства находились женщины, даже при возможности отыскать мужскую кандидатуру.

Что же произошло, как это стало возможно? В конце XVII в. Россия находилась в точке бифуркации. Фактически все XVII столетие было посвящено попыткам решить возникшие в стране трудности, которые приобрели черты системного (структурного) кризиса, когда все основные подсистемы (социальные отношения, государственное управление, вооруженные силы, хозяйство, право и культура), складывавшиеся в течение длительного времени с конца XV и до середины XVII в., перестают соответствовать изменившимся условиям [1, с. 89]. В связи с близостью Европы и постоянными контактами с ней (в том числе неудачами в военных столкновениях с европейскими странами) наиболее очевидным выходом казался путь модернизации в ее европоцентристском варианте (в сходной ситуации примерно в это же время оказалась Османская империя, а в XIX в. все основные страны Востока). Ситуация, сложившаяся в государстве после смерти Алексея Михайловича, отчетливо напоминала времена столетием раньше: социальные волнения, проблемы с престолонаследием, беспокойная внешнеполитическая обстановка. По меткому замечанию С.М. Соловьева: «Народ поднялся и собрался в дорогу; но кого-то ждали; ждали вождя...» [2, с. 451]. Заканчивается эта фраза словами «вождь явился», так как далее речь идет о Петре, но на самом деле именно этот «вождь» явился не сразу. От того, что за вождя явится в такой ситуации, зависело многое. В это время у власти оказывается, пожалуй, самая специфическая женская фигура этого времени – царица Софья, анализ судьбы которой может прояснить некоторые проблемные аспекты не только женских судеб, но и судеб самой России в этой сложный противоречивый период истории. Интересно, что, описывая основные черты системного кризиса, А.Б. Каменский в числе его показателей называет и появление женщины во главе государства, «что шло вразрез не только с традицией престолонаследия, но и, что гораздо важнее, с традиционным стереотипом места женщины в русской средневековой культуре» [1, с. 89].

Феномен Софьи состоит в том, что она выбивается не только из российской традиции, но из общемировой. Сама по себе практика возведения или самовыдвижения женщины в ранг регентши – не новость ни для Запада, ни для Востока, ни для России (вспомним княгиню Ольгу, Елену Глинскую). Но обычно такая женщина – это вдова правителя, мать наследника. Софья же – царская дочь, девица, сестра Ивана и Петра. Сама Софья сумела-таки найти прецедент в истории Византии: в V в. Пульхерия, старшая сестра Феодосия II, в течение полутора десятков лет фактически правила империей, будучи официально объявлена августой и имея неограниченное влияние на брата [3, с. 37–38], но это был такой же исключительный случай.

Согласно древнерусской традиции, на время несовершеннолетия наследника управление государством передавалось в руки регентского совета из наиболее знатных и доверенных бояр (зачаток такого можно увидеть в боярской комиссии времен «Хованщины») [4, с. 77]. После ее роспуска последний законный преемник власти был устранен, и к власти приходит Софья.

Как свойственно таким сложным переходным периодам, здесь сошлись объективные и субъективные факторы. «Нормальным» развитием событий в данной ситуации могло быть либо воцарение Ивана Алексеевича, которому в то время было достаточно лет – шестнадцать (его брат Федор начал править самостоятельно с четырнадцатилетнего возраста), либо установление регентства Натальи Кирилловны, вдовствующей царицы-матери. Но первому препятствовало слабоумие и болезненность старшего царевича, второму же то, что Наталья Кирилловна была не матерью его, но мачехой; к тому же все эти и без того серьезные проблемы разворачивались на фоне бунта. Фактор Софьи стал, пожалуй, исторической случайностью, но он маркировал собой важные процессы в обществе.

Почему Софья захотела заполучить власть, объяснить несложно: стандартная судьба для русской царевны XVII в. – жизнь в четырех стенах, единственное развлечение – посещение с религиозными и благотворительными целями монастырей, невозможность выйти замуж, так как никто из россиян не был достаточно высокого положения для такой партии, а за иностранного принца выйти мешали религиозные запреты православия. А ведь она была образованна и обладала решительным характером в отличие от других женщин царской семьи, которых было немало (у Софьи было две тетки и две сестры).

Более сложный вопрос, почему, по крайней мере, часть общества оказалась готовой к вступлению во власть женщины? Тем более что дальше, всего через несколько десятилетий, женский лик

власти станет восприниматься как вполне естественный. Можно констатировать, что весь XVIII в. являлся кризисным для российского престола, так как далее, в следующем столетии, мы видим вполне традиционную картину преемственности трона по мужской линии. Однако сложнее и важнее понять, почему кризис выразился именно в такой форме? Представляется, что дело обстояло следующим образом. В ситуации системного кризиса, когда наступает эпоха поисков, когда носители власти, до конца адекватно не справляющиеся с ситуацией, вызывают недовольство (достаточно вспомнить, что время «тишайшего» царя Алексея Михайловича – это «бунташный век», и вскоре после его смерти Россия погружается на несколько лет в пучину мятежей, достигших пика в тот момент, когда стрельцы подняли на копья представителей высшей знати прямо посреди средоточия власти – Кремля), традиционный образ власти перестает соответствовать запросам времени и народа. Если использовать терминологию тбилисской школы психологии, накопленная веками единая нефиксированная установка не срабатывает, возникает ситуация открытости, возможности появления новых, актуально-моментальных установок. А так как этот традиционный образ власти «мужской», то вполне объяснимым становится «перекосяк» в сторону женщин.

Возможно также, что в случае с Софьей сыграли свою роль не только единичные византийские прецеденты (как известно, один из них стал поводом для присвоения императорского титула Карлом Великим), но и представления о «коллективной харизме» княжеского рода на Руси. Русское государство издревле считалось собственностью всей правящей фамилии. Подтверждением этого предположения может быть то, что в грамоте донским казакам от 3 февраля 1676 г. с объявлением о восшествии на престол нового государя содержался чин присяги всему царскому семейству, названному поименно, включая и царевен. Это могло означать, что ввиду нездоровья Федора и Ивана и юности Петра женщины вполне могли, хотя бы временно, взять власть [5, с. 69].

Кроме того (вспомним слова А.Б. Каменского), возможность нестандартных ситуаций расширялась в связи с «переходностью», «смутностью» времени. В такой ситуации, дабы закрепить у власти, Софье необходимо было обрести харизму. Как пишет М. Вебер, появление харизматического лидера маркирует переходные ситуации в обществе. Харизма по природе своей революционна. Софья пыталась нащупать это решение, организовав Крымские походы, ведь харизма правителя, как правило, обретается на войне и подпитывается ею. Недаром именно после первого Крымского похода, который был обставлен как успешный, в 1687 г.

встает вопрос о венчании Софьи на царство, появляются гравюры, где она изображена с короной, скипетром и державой, панегирики в стихах и т.п. Ранее Софья, попав к власти, некоторое время не выказывала откровенного стремления занять трон (только в 1686 г. Софья стала добавлять свое имя во всех указах по внутренней политике, именуясь «самодержицей», т.е. равной царям) [5, с. 101]. Далее она «вошла во вкус», тем более что братья выросли и «наступали на пятки» (ее актуально-моментальные установки на власть переходят в фиксированные). Но так как успехи ее были фикцией, этот шанс использован не был. А.Б. Каменский приводит слова А.Г. Брикнера: «История не может указать ничего выдающегося в законодательстве и администрации во время семилетнего регентства Софьи» [1, с. 87].

Новые установки в массовом сознании не могут зафиксироваться быстро, требуется время и серьезные потрясения, а также некая переходная стадия. Фактически Софья попыталась перескочить ее – как если бы сразу после Алексея Михайловича появилась Екатерина без петровской «встряски». Общество, как показала ее судьба, к этому было не готово. Ведь, как это ни парадоксально в свете последующих событий, на Петра сделали ставку сторонники традиции, которую он, в отличие от Софьи, на тот момент олицетворял.

По-настоящему харизматической личностью, сумевшей трансформировать и властный и гендерный код российского общества, стал Петр I – одна из самых знаковых и нестандартных фигур на российском престоле, причем во всех смыслах и во всех сферах его жизни и деятельности. Это касается и его образа как мужчины-правителя. Особенность петровской эпохи – расширение поля вариативности образов правителя за счет «открытости» европейского опыта. Если ранее существовали, причем последовательно, следующие «исконные» образы русских правителей – хриstopодобный князь Руси, князь-мученик времен ига, тишайший царь-батюшка, – то перед глазами Петра находились образы, во-первых, царя-батюшки, во-вторых, короля-рыцаря, в-третьих, короля придворного общества. Олицетворением этих трех образцов можно назвать соответственно Алексея Михайловича, Карла XII и Людовика XIV.

Что представляли собой эти образы и какой выбор делает Петр?

При общей констатации повышенной сакральности образа царя имелась и тенденция постепенного его «приземления». Первые изменения происходят именно в XVII в., что, скорее всего, являлось последствиями правления Ивана Грозного и в еще большей мере – Смуты. Для Филофея Псковского, идеолога времен Василия III, православие царя –

центральная часть его функций. В образе монарха главное – не столько человеческая сущность, сколько роль посредника между человеком и Богом. И потому столь важную роль играло предсмертное пострижение князя.

Далее, в развитие этих идей, для Ивана Тимофеева, свидетеля Смуты, главным становится персональное благочестие царя – то, от чего зависит судьба России и мира. Размышляя о проблеме различения ложного и истинного царя, Тимофеев считает именно личное благочестие конкретным выражением природы царя истинного. Таким образом, он идентифицирует царя и государство, царь полон власти и славы, лежащей вне людского суда, и потому его человеческая природа возвышается до уровня его функций [6, р. 59].

Изменения в мифе правителя фиксируются в «Титулярнике», изданном по приказу Алексея Михайловича. Здесь отображается следующая трансформация: с коронацией Ивана Грозного святой князь трансформируется в Благочестивого и Православного царя [6, р. 60]. То есть царь теперь – не святой (Борис Годунов – последний, кто принял постриг на смертном одре). При Алексее ритуализируются все личные персональные качества правителя. Как пишет М. Чернявский, эпитет «тишайший», применяемый по отношению к Алексею Михайловичу, если и был персональным, то все же не являлся индивидуальным. И так, пусть сам царь Алексей как человек был благочестивым, хриstopодобным и тишайшим, но на самом деле в то время и нельзя было представить себе иного царя, иначе он не был бы истинным (набожность Алексея не превышала набожности того же Ивана Грозного) [6, р. 63].

Что касается образа короля-рыцаря, коим предстает Карл XII, то он к тому времени уже стал анахронизмом, рецидивом средневековья. Карл никогда не занимался политикой, сделав ставку на войну, причем в явно авантюрном стиле. Даже когда незавидное положение Швеции стало очевидным, он отказывался сесть за стол переговоров. Но самым ярким доказательством гипертрофированно «героического» характера является сюжет, связанный с его изгнанием из Турции. В 1713 г. султан потребовал от Карла покинуть страну. Н.И. Павленко приводит описание дальнейших событий Шафировым, жившим в то время в Османской империи: «...король, по своей солдатской голове удалой, стал им в том отказывать гордо, причем присланный султаном конюший (паша. – Н.П.) грозил ему отсечением головы; король на это вынул шпагу и сказал, что султанского указа не слушает и готов с ними биться, если станут делать ему насилие». Этим дело и закончилось – сотня шведов, окопавшихся во дворе, где жили, устроили сражение с

двенадцатью тысячами янычар. Когда турки подошли к дому, Карл продолжал упорствовать: «Пока не станут гореть наши платья, опасности никакой нет». После этого король все же был пленен и на следующий год выслан из страны. Это типичное поведение средневекового рыцаря, но не правителя могущественного государства XVIII в. [7, с. 363].

Старшим современником и одной из самых знаковых в то время фигур из европейских правителей был Людовик XIV. Это король придворного общества, абсолютный монарх. По своей репрезентации это блестящий и могущественный правитель, Король-Солнце, образец для подражания других монархов, даже после его смерти. Однако одной из определяющих черт этого образа – подчиненность ритуалу, не меньшая, чем у его придворных. В данном случае король – это мужской образец для подражания придворных и всего дворянства страны в поведении и внешности; выстраивая программу ритуализированного поведения элиты, он сам, соответственно, вынужден был до тонкостей соблюдать его.

Итак, вернемся к Петру. Одна из важнейших магистральных линий его реформ – европеизация быта и нравов. Она не могла не задеть и образ правителя. Петр явно заимствует из европейской традиции способы репрезентации своей власти. Но можно ли сказать, что это простое копирование, или что он полностью порвал со старорусской властной традицией? Отбрасывая в сторону образ короля-рыцаря, явственно не актуального в то время, остановимся на образе короля придворного общества, которого непосредственно наблюдал Петр при неоднократном посещении Франции и Англии. Принято считать, что правление Петра положило начало формированию абсолютизма в России. Есть в особенностях его царствования черты, говорящие и за и против этого. Согласно Н. Элиасу, переход от средневековья к Новому времени во Франции ознаменовался, в числе прочего, централизацией придворного общества как результата устранения феодальной полицентричности государства: теперь возможность благополучного существования дворянина исходит исключительно от короля [8]. В России очень легко найти сходные черты, но здесь они не являлись свидетельством модернизации, это, скорее, существенные черты российской традиции власти, связанные со служилой формой организации общества.

Другая важнейшая характеристика абсолютизма – баланс сил между дворянством и третьим сословием, гарантом которого выступал монарх, на чем и базировалась его «абсолютная» власть. Петр уделял значительное внимание интересам торговой и предпринимательской прослойки, но она так и не стала в России по-настоящему влиятельной силой, что к концу XVIII в. привело к формированию дво-

рянской монархии, где полностью отсутствовал какой-либо общественный баланс.

Далее, если обратиться к вопросу о ритуализации образа монарха, то хотя Петр и проявлял большую заботу о пышной демонстрации могущества, речь здесь шла, скорее, о прославлении Отечества, на пользу которого он, по собственным утверждениям, трудился. Сам же Петр знаменит демонстративным пренебрежением ритуализованной стороной власти. Это касалось и поведения, и одежды, и участия в официальных церемониях.

Если же вспомнить о европеизированных формах празднеств и символической нагруженности придворной культуры петровской эпохи, то можно заметить, что здесь Петр если и использует западные формы репрезентации, то в творческом ключе, причем обращается скорее не к современным, а к более ранним образцам, в самой Европе уже отошедшим в прошлое. Здесь превалирует образ монарха-победителя, а не короля придворного общества (см. об этом подробнее: [9]).

В отличие от Западной Европы, специфической чертой образа правителя в России, по крайней мере до XVIII в., является то, что он (как и на Востоке) не мог быть в полном смысле образцом для каких-либо общественных слоев; это, скорее, символ, нагруженный значительным сакральным содержанием. При этом, конечно, и в России «полноценный» царь должен был воплощать определенный набор качеств, ценных в глазах его народа, так же, как и западный правитель. Можно привести следующий показательный пример. По свидетельству И. Фоккеродта, для российской традиционной элиты еще в петровскую эпоху не являлись значимыми представления, связанные на Западе с аристократическим этосом, основа которого – воинская доблесть. Вот что он пишет по этому поводу: «Если приведешь им на ум пример других европейских народов, у которых дворянство ставит себе в величайшую почесть отличаться военными заслугами, они отвечают: “Много примеров такого рода доказывают только то одно, что на свете больше дураков, чем рассудительных людей. Коли вы, чужеземцы, можете жить для себя, а со всем тем подвергаетесь из пустой чести потере здоровья и жизни и в этом только и ставите такую честь, так покажите нам разумную причину такого поведения. Вот коли вы из нужды служите, тогда можно извинить вас, да и пожалеть. Бог и природа поставили нас в гораздо выгоднейшие обстоятельства, только бы не мучили нашего благоденствия иноземные затеи. Земля наша такая обширная, а нивы такие плодородные, что ни одному дворянину не с чего голодать: сиди он только дома да смотри за своим хозяйством”» [10, с. 97].

Это опять-таки связано со спецификой русского общества, в котором каждый от крестьянина до бо-

ярина считался холопом государевым. В такой среде аристократический этос не мог зародиться в принципе, как не было его в восточных обществах, исключая Японию. И. Корб пишет: «Вельможи, хотя они сами рабы, с невыносимой гордостью обращаются с низшими и простолюдинами, которых обыкновенно, из презрения к ним, зовут черным народом и христианами...» [11, с. 220].

Русский князь и царь могли быть прославлены военными победами, но цель их определенная – защита православия и Русской земли (что во многом – одно и то же) (см. об этом: [12, с. 170 и далее]). Не только деятельностью Петра в целом ряде аспектов продолжались тенденции, намеченные ранее, но и в его образе, представляющемся не просто необычным, но даже экстравагантным, эпатажирующим, можно проследить вполне традиционные черты. При всех его девиациях он вполне вписывается в образ русского царя – он набожен, активно строит церкви и защищает страну от посягательств «нехристей». Недаром он, как и Иван Грозный, являлся излюбленным персонажем народного фольклора, где со временем стирается память об их жестокости и на первый план все больше выходит героический образ победителя и защитника родной земли [13, р. 195].

Да и сами девиации – вполне допустимое явление для русского царя, ему позволено все, если только он выполняет основные функции, в том числе и жесткое обращение с представителями элиты. Пресловутый «демократизм» Петра на самом деле являлся деспотизмом в «лучших традициях», когда все подданные были равны перед лицом государя. А вот что пишет В.О. Ключевский о «тишайшем» Алексее Михайловиче: «От природы живой, впечатлительный и подвижной, Алексей страдал вспыльчивостью, легко терял самообладание и давал излишний простор языку и рукам». Однажды, поссорившись с Никоном из-за церковного обряда, он выбрал его неприличными словами прямо в церкви в великую пятницу [14, с. 110]. В другой раз, возмущенный бахвальством И.Д. Милославского, никогда не бывавшего в походах, но пообещавшего запросто привести пленником самого короля польского, если ему дадут командовать войсками, царь отругал его, «дал старику пощечину, надрал ему бороду и, пинками вытолкнув его из палаты, с силой захлопнул за ним двери» [14, с. 111]. Как не вспомнить здесь выходки Петра, вспыльчивость которого обычно списывают на детские стрессы!

Даже в отношениях с женщинами Петр скорее вписывается в определенные рамки, нежели выходит за них. Многочисленные связи Петра – не только проявление невротичности его личности, это норма для правителей того времени (вспомним того же «образцового» монарха Людовика XIV с его

многочисленными любовными похождениями). Даже чопорный Павел на грани XVIII–XIX вв. не отказывал себе в удовольствии заводить любовниц.

Пожалуй, Отец Отечества Петр Великий является фигурой, переходной к образу просвещенного монарха, который получил в России максимальное выражение в личности Екатерины II, т.е. значительно позже. Сам же Петр, как положено харизматическому лидеру, сконструировал собственный образ из сколков различных традиций, причем этот «экспериментальный» образ надолго становится базисным для российской монархии, хотя и значительно трансформируется.

Малочисленные и недолговечные мужские представители царской власти в XVIII в. в какой-то мере воспроизводили тип царевича Алексея Петровича, демонстрируя многие девиантные черты первого императора, без его положительного вектора: они деспотичны, гулящи, часто склонны к злоупотреблению алкоголем (кроме Павла). На их фоне женщины-правительницы выглядели выигрышно, что подтверждает выдвинутый ранее тезис о «дискредитации» мужского образа власти. И хотя харизматичный Петр воплощал в себе вполне мужские качества властителя, он произвел на страну и, самое главное, на элиту такое устрашающее воздействие, что даже его сторонники не хотели повторения такой встряски, надеясь, что императрицы станут олицетворением умиротворяющей политики.

Соответственно, образ царя на тот момент остается на переходной, незавершенной стадии, в какой-то мере это связано с прерыванием преемственности мужской линии династии (к началу XIX в., когда она возобновилась, актуальными были иные идеи и образцы).

После смерти Петра в России начинается эпоха женского правления, продолжавшаяся с минимальными перерывами до 90-х гг. XVIII в. Не случайно первой самодержицей стала именно Екатерина, в прямом смысле креатура Петра – Галатей царственного Пигмалиона. Она фактически не была связана ни с одной из существовавших традиций, так как, по замечанию одного из недругов, была «не природная и не русская» [15, с. 17], к тому же обладала личностными качествами, максимально удовлетворявшими запросы Петра.

Если ранее, в допетровской России, господствовал традиционный образ царицы-супруги и матери наследников, не игравшей специальной политической роли, то теперь актуальным становится образ царицы-помощницы. Первой его представила и опробовала Наталья Кирилловна, мать Петра, которая, как известно, первая из русских цариц выезжала в карете с открытым окном, устраивала при дворе театральные представления, находилась в одной

карете с супругом. Помимо этого, она принимала послов, переписывалась с главами иностранных держав, интересовалась государственными делами и даже участвовала в царской охоте [16, с. 196]. Екатерина развивала этот образ: повсюду, часто даже в военных походах, сопровождала царственного супруга, как считается, помогла ему решить кризисную ситуацию в Прутском походе; она единственная могла утихомирить Петра в его припадках бешенства и потому именно она постоянно становилась заступницей перед ним за многочисленных просителей. Кроме того, на Екатерину пал ответ харизмы ее супруга, что и позволило ей занять престол после его смерти при наличии наследника мужского пола (сына царевича Алексея), так как она воспринималась единственной реальной продолжательницей дела своего великого супруга.

В целом же можно утверждать, что женщины в царской семье прошли более сложный путь, чем мужчины, как и в обществе в целом. Можно представить, что российская специфика заключалась именно в том, что здесь за столетие неоднократно повторялась ситуация, когда женщина оказывалась реальной альтернативой мужчинам в качестве кандидата на занятие престола: Софья, Екатерина I, Екатерина II. Однако такая ситуация не закрепилась в качестве нормы. Даже Екатерина II старалась сгладить образ Софьи, изначально отрицательный в источниках, так как искала в русской истории прецеденты своей власти при взрослом сыне Павле [5, с. 331].

Кроме того, у всех самодержиц XVIII в. есть общая черта, менее всего, но все же проявлявшаяся даже у Екатерины Великой, – это были женщины, «дорвавшиеся» до «хорошей жизни», а не истинно самостоятельные политические фигуры. Это объясняется неукорененностью их позиций – несмотря на долгую эпоху женского правления, каждая фактически начинала заново в борьбе с реальными мужскими претендентами, к тому же шли они к высшей власти весьма трудными путями. Особенно четко это проявлялось в поведении Елизаветы Петровны и Анны Ивановны, которые мало интересовались делами управления и предпочитали проводить время в увеселениях (первая в балах, вторая на охоте), препоручив администрацию своим фаворитам-мужчинам. Ведь недаром и Елизавета и Екатерина II любили наряжаться в мужские костюмы, а Екатерина даже на балах ухаживала за дамами [17, с. 154]. То есть власть в России даже в этот период так и не приобрела женский лик.

Можно сделать вывод, что все эти флуктуации были приметой неустойчивого состояния общественной системы, затянувшегося кризиса. А далее общественно приемлемые образы гендерного поведения снова меняются, время широких возможнос-

тей заканчивается. К концу XVIII в. окончательно свершилось то, чего столь активно добивался Петр I: Россия подпадает под культурное влияние Запада и далее идет по накатанному пути: женщины больше никогда не играли самостоятельной политической роли в Российской империи, как, впрочем, и в других государствах – вплоть до Новейшего времени (за редким исключением).

Знаковой здесь стала деятельность Павла. Он издал закон о престолонаследии, в котором поставился к минимуму возможность возвращения женского правления. Согласно этому закону, женщины могли принимать участие в престолонаследии только в случае отсутствия мужского наследника; оговаривались и условия регентства на случай его несовершеннолетия (в этом акте, конечно, сказались перипетии жизни самого Павла, которого не допускала к власти его мать Екатерина, а также судьба почитаемого им отца Петра III) [17, с. 238]. В прошлое уходит не только образ императрицы-самодержицы, но и образ царицы-помощницы. Супруга Павла, Мария Федоровна, была для Павла, по словам Р.С. Уортмана, не более чем атрибутом власти: «В этом не было ничего похожего на желание Петра Великого сделать жену товарищем по оружию». Она была назначена попечительницей благотворительных учреждений, что вполне соответствовало роли царицы в допетровской традиции [17, с. 248–249]. Трагическая судьба Павла маркирует собой конец целого периода в формировании образа российского монарха. Он пытался, как и большинство его предшественников (без различия пола), апеллировать к образу Петра Великого, однако явно не являлся ему ровней по личностным качествам и талантам. Кроме того, произошли важные изменения в восприятии обществом этого образа, и прежде всего в запросах элиты. Дело в том, что Петр выстраивал отношения с дворянством вполне в русле служебной организации, обращаясь с ним вольно и даже жестко. Но к концу столетия и в России сформировался аристократический этос – в результате дворцовых переворотов, в которых дворяне играли ключевую роль, а также вследствие привилегий, дарованных им Петром III и в особенности Екатериной II. Павел пытался обращаться с элитой в стиле Петра, и она ему этого не простила. Позднее, как отмечает Р.С. Уортман, ссылаясь на мнение Н. Рязановского, Александр I стал первым монархом, для которого Петр Великий не являлся образцом [17, с. 218]. Время экспериментов закончилось. Теперь монарх – это не земной Бог, это человек, но несоизмеримо более великий, чем другие.

Конечно, высказанные соображения не дают полной картины, это, скорее, наброски для будущих более обстоятельных разработок. В них следует подвергнуть анализу другие типологические образ-

цы монархов того времени, помимо рассмотренных в статье. Для более четкой прорисовки проблемы необходимо обратить внимание на представителей царской семьи, которые не являлись монархами и

тем не менее отображали и транслировали значимые черты властной традиции. Но это задачи более объемного исследования.

Поступила в редакцию 09.11.2006

Литература

1. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 2001.
2. Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом // Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1990.
3. Дашков С.Б. Императоры Византии. М., 1996.
4. Лавров А.С. Регентство царевны Софьи Алексеевны. Служилое общество и борьба за власть в верхах государства в 1682–1689 гг. М., 1999.
5. Хьюз Л. Царевна Софья. 1657–1704. СПб., 2001.
6. Cherniavsky M. Tsar and People: Studies in Russian Myths. N.Y., 1969.
7. Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1994.
8. Элиас Н. Придворное общество. Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология истории. М., 2002.
9. Мухин О.Н. Трансформация образа правителя в Петровскую эпоху в контексте российских властных мифологем (на материале американской историографии) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2006. Вып. 1 (52).
10. Фоккеродт И.-Г. Россия при Петре Великом // Неистовый реформатор. М., 2000.
11. Корб И. Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гварриента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Гергом Корбом // Рождение империи. М., 1997.
12. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 2001.
13. Dixon S. The Modernization of Russia 1676–1825. Cambridge, 1999.
14. Ключевский В.О. Царь Алексей Михайлович. – Ф.М. Ртищев // Ключевский В.О. Исторические портреты. М., 1990.
15. Анисимов Е.В. Женщины на российском престоле. СПб., 2003.
16. Лефstrand Э. Петр Великий и русские женщины // Царь Петр и король Карл. М., 1999.
17. Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии от Петра I до смерти Николая I. М., 2002.

УДК 316.342.4

А.Ю. Конев

О ВКЛЮЧЕНИИ ЯСАЧНЫХ В СОСЛОВИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН (НА МАТЕРИАЛАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)

Тобольский индустриальный институт

Возникновение и развитие сословной структуры российского общества является одной из фундаментальных проблем социальной истории России XVII–XIX вв. Имея давние традиции изучения в отечественной и зарубежной историографии, она до сих пор остается дискуссионной в теоретико-методологическом плане. При этом данная тематика достаточно перспективна для дальнейшей разработки прежде всего в исследовании особенностей правового положения разнообразных этно-социальных групп, населявших Российскую империю. Особый интерес вызывает вопрос о месте, которое занимали в сословной структуре российского общества коренные народы Поволжья, Урала и Сибири, переходившие «под высокую руку» московских государей на протяжении XVI–XVIII вв.

Считается, что сословный строй в Русском государстве начал формироваться с середины XVII в., после принятия Соборного Уложения, когда многочисленные «чины», объединяясь в социальные группы («состояния»), стали различаться не только обязанностями, но и закрепленными в законе правами [1, с. 366–380]. Введение подушного обложения в 20-х гг. XVIII в. ускорило этот процесс, дав новые социальные определения действовавшим «чинам», окончательно отделив привилегированные слои населения от непривилегированных.

Элис К. Виртшафтер весьма точно определила значение подушной подати как показателя социального положения [2, с. 49]. Учитывая это принципиальное замечание, автор настоящей статьи при исследовании на западносибирском материале XVIII–